

АФРИКАНСКИЙ СЕГМЕНТ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: ДИНАМИКА ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ

© 2018 г. И. Абрамова, Л. Фитуни

*АБРАМОВА Ирина Олеговна, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор,
Институт Африки РАН, РФ, 123001 Москва, ул. Спиридоновка, 30/1;
Российский университет дружбы народов, РФ, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 (irina.abramova@inafr.ru).*

*ФИТУНИ Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор,
Институт Африки РАН, РФ, 123001 Москва, ул. Спиридоновка, 30/1;
Российский университет дружбы народов, РФ, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 (africa.institute@yandex.ru).*

Статья поступила в редакцию 03.08.2018.

Статья посвящена роли Африки в формировании полицентричной системы мироустройства. По мнению авторов, в условиях крайней нежелательности прямой конфронтации между “старыми” и “новыми” игроками возросло геостратегическое и военно-политическое значение “периферийных” зон соперничества, в том числе Африканской. В основе современной экспансии ведущих держав в Африку лежит стратегический расчет на обеспечение себе стабильных позиций в глобальной экономике 2020–2050-х годов, когда континент превратится в главный источник мирового прироста трудовых ресурсов, покупательского спроса и природно-ресурсных возможностей для развития мирового хозяйства.

Ключевые слова: Африка, геостратегическое соперничество, африканский полюс мирового роста, Северная Африка, Сахель, Большое Красноморье, Южный конус Африки.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-5-14

Как и сто лет назад, второе десятилетие наступившего века ознаменовалось опасным обострением накопившихся в прошлом противоречий и нерешенных проблем между ведущими державами мира. Вновь в непримиримый конфликт вошли интересы старых государственных и негосударственных акторов, утвердившихся в предшествующие годы в качестве вершителей судеб на мировой геополитической и геоэкономической арене, и их восходящих “новых” государственных и негосударственных конкурентов. Противоречия начала XX в., эпохи, когда раздел мира на огромные колониальные империи достиг своих естественных географических пределов, привели к двум мировым войнам, так и не закончившимся безусловным господством в мире только одной силы. Неслучайно, что некоторые мировые политические лидеры рассматривали происходившие в первой половине XX в. события как одну незавершенную “большую войну” за роль конечного победителя.

В ядерную эпоху, когда военная конфронтация между лидирующими державами чревата общемировой катастрофой, борьба за мировое господство перешла в сферу идеологического противостояния. Война между сверхдержавами и их союзниками и сателлитами была сублимирована в тотальную гонку вооружений и периферийные прокси-войны. Глобальная геополитическая конфронтация между ядерными сверхдержавами приобрела форму холодной войны – синтеза идеологического противостояния и аналога средневекового взятия крепости

измором, перенесенного на глобальный уровень и отличающегося использованием куда более широкого и технологически совершенного арсенала средств.

Холодная война завершилась распадом СССР и быстрым перетеканием большинства его прежних союзников в лагерь НАТО. На исторически короткий промежуток времени на планете установилась иллюзорная ситуация “конца истории” – выявления пресловутого “конечного победителя” и установления однополярного мира во главе с этим новым гегемоном.

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ И МНОГОПОЛЯРНОСТЬ

Однако объективные законы развития не позволяют ситуации оставаться неизменной неопределенно долго. Неравномерность социально-экономического развития государств и их альянсов, возвышение одних государственных, субгосударственных и негосударственных акторов и ослабление позиций других сначала размыли, а к настоящему времени практически полностью разрушили ситуацию однополярности в мире [1, pp. 5-24].

Современный мир проходит очередной этап своей трансформации. Процесс этот протекает весьма болезненно и чреват обострением целого ряда противоречий – военно-политических, экономических, социальных, национальных, рели-

гиозных и даже межличностных. Старые мировые центры силы (США/Канада, ЕС, Япония) постепенно уступают глобальные экономические позиции конкурентам, прежде всего молодым быстрорастущим экономикам. Растет экономическая мощь Китая и Индии, которые уже сегодня по объемам ВВП (12.263 и 2.488 трлн долл. в 2017 г. по обменному курсу соответственно) занимают второе и седьмое место в мире, обогнав не только Россию, но и такие страны, как Италия, Канада, Испания и Австралия [2]. А по паритету покупательной способности Китай (23.301 трлн долл.) и Индия (9.449 трлн долл.) вышли в 2017 г. на первое и третье место соответственно, пропустив на второе место лишь США и оставив позади себя все мощные европейские экономики [3]. Это полностью опровергает все прогнозы весьма уважаемых корпораций *Goldman Sachs* и *PriceWaterhouseCoopers*, эксперты которых считали, что лишь к середине XXI в. Китай и Индия окажутся на этих позициях [4, 5]. Не следует также забывать, что в этих двух странах проживает сегодня почти 40% мирового населения, большая часть которого – молодые активные люди трудоспособного возраста, предъявляющие расширяющийся спрос на новые товары и услуги. Весьма высокими темпами развиваются и другие сегменты Мировой периферии – Южная Корея, Тайвань, Бразилия, Мексика, Аргентина, Индонезия, Малайзия, Вьетнам, некоторые африканские государства. При этом существующая система международных институциональных структур, определяющая правила игры в современной политике и экономике, настроена по-прежнему на интересы стран так называемого золотого миллиарда.

Иными словами, растет конфликт между глобальным “экономическим базисом”, который все более смещается с Запада и Севера на Восток и Юг, и глобальной “надстройкой” – политическими, военными, финансовыми и информационными институтами и инструментами управления, которые действуют в рамках Вашингтонского консенсуса. Противостояние приобретает все более острые формы, проявляясь в региональных вооруженных конфликтах, в информационных войнах с использованием всех без исключения средств, в том числе технологий манипулирования общественным сознанием, навязывания единственно верной, по мнению “старых игроков”, системы подходов к тем или иным событиям и исповедования системы “западных ценностей”.

Многополярность, это новое вызревающее мироустройство, как никогда прежде нуждается в системе двухсторонних и многосторонних геостратегических сдержек и противовесов, исключающих или по крайней мере минимизирующих опасность глобально-вооруженного столкновения.

На этом фоне происходит переоценка сравнительной значимости и роли регионов мира как зон столкновения интересов участников обновленного соперничества. При крайней нежелательности сверхопасной прямой конфронтации между “старыми” и “новыми” игроками возросло геостратегическое и военно-политическое значение “периферийных” зон соперничества: Ближнего Востока и Африки. Здесь катализаторами конфликтогенности и одновременно удобными инструментами внешнего вмешательства становятся национализм, сепаратизм и религиозный экстремизм. В целях сохранения прежней конфигурации миропорядка и привычных для них парадигм управления некоторые “старые” игроки готовы пустить в ход все средства, среди которых – прямой подкуп коррумпированных элит, игра на этноконфессиональных противоречиях, использование сил международного терроризма.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ РЕГИОНА

Африку блок “старых” игроков рассматривает главным образом с трех точек зрения: прогнозируемых перспектив глобального экономического развития, ресурсной и военно-геополитической. Все три аспекта воспринимаются через призму соперничества с главными, как считается, существующими и потенциальными соперниками и конкурентами. В роли последних видят прежде всего Китай и в несколько меньшей степени (особенно, если говорить о Тропической Африке) – Россию. Одновременно Запад внимательно следит за возрастающей активностью и влиянием в этом регионе соперников “второго эшелона” – Индии, Бразилии, Ирана, Турции, монархий Персидского залива, обеих Корей.

Весьма примечательно, что в основе современной экспансии в Африку лежит не только стремление игроков укрепить позиции в глобальном ресурсном обеспечении, от которого во многом зависит национальная безопасность, но и стратегический расчет на выкраивание себе стабильных позиций и зон влияния в конкурентной борьбе в мировой экономике 2020–2050-х годов. В этот период Африканский континент, по прогнозам ведущих “мозговых центров”, превратится в главный источник мирового прироста трудовых ресурсов, покупательского спроса и природных возможностей для развития мировой экономики, то есть на долгосрочную перспективу.

Геостратегическое значение континента предопределено его географическим положением в качестве южного флага НАТО – точками и театрами, контролирующими морские коммуникации,

проходящие в Красном море, Персидском заливе и Индийском океане, а также в южной Атлантике.

Официально в Африке больше всего военных баз и значимых стационарных военных объектов, юридически базами не именуемых, у Франции (Джибути, Габон, Кот-д'Ивуар, Реюньон, коморский остров Майотт, Сенегал). Также подобными объектами в Африканском регионе обладают: Англия (Кения, о. Вознесения, Британские территории в Индийском океане), Италия (Джибути), Индия (Мадагаскар, Сейшелы, Маврикий), Япония (Джибути), Турция (Сомали).

Американские военные создали обширную сеть из более 60 форпостов и пунктов размещения в Африке. В настоящее время часть из них используется, а часть является резервными или, как утверждается, закрыты, но, возможно, временно. Сюда относят базы, лагеря, коммуникационные центры/точки, порты. Все это охватывает как минимум 34 государства на континенте. Формально подобные пункты считаются не базами, а “точками сотрудничества в области безопасности” (*Cooperative Security Location, CSL*) и служат якобы для временного базирования “в основном провизии и амуниции”.

Зачем нужны эти базы, что они охраняют? Декларируется, что их главная задача — защита критически важных коммуникаций НАТО, поддержание мира, предотвращение конфликтов в Африке и борьба с угрозой терроризма и пиратства. Не уменьшая роли иностранных контингентов в решении хотя бы части декларируемых задач, нужно признать, что для всех вышеперечисленных государств указанные объекты являются прежде всего важными элементами утверждения их геополитической значимости и международного проецирования их военной силы.

Проведенный в Институте Африки РАН эконометрический прогноз-анализ показал, что кривая индикатора “стратегическая заинтересованность в регионе внешних игроков” во временном промежутке 2020–2025 гг. меняется с плавной и пологой на резкую и круто уходящую вверх. Эта тенденция по прогнозу сохранится как минимум в ближайшие два десятилетия.

При этом, по нашим оценкам, значимость субрегионов Африканского континента будет возрастать асинхронно. Сегодня наибольший стратегический интерес у “старых” и “новых” игроков вызывает зона Южного Средиземноморья, куда входит не только Северная Африка, но и Сахель, включающий Сенегал, Мавританию, Мали, Буркина-Фасо, Нигер, Нигерию, Камерун, Чад, Судан и Эритрею.

В 20-е годы нынешнего столетия резко усилится стратегическое внимание к зоне “Большое Красно-

море” (которая частично накладывается на южно-средиземноморскую зону). Это — страны Африки и Азии с выходом к Красному морю (в том числе, помимо Египта, Эритреи и Судана — Джибути, Израиль, страны Аравийского полуострова, архипелаг Сокотра, Сейшельские острова и далее вплоть до архипелага Чагос), а также не имеющий выхода к побережью африканский хинтерланд (Эфиопия, Южный Судан, восток Чада и север Кении).

С конца 20-х годов начнется бурный рост значимости Юго-Восточного и Южного субрегиона (Танзания, Мозамбик, Зимбабве, ЮАР и сопряженные территории), известного в западных стратегических разработках как Южный конус Африки.

ТРАДИЦИОННАЯ ЗОНА ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

В ближайшие 10 лет ведущие полюса глобальной силы усилят борьбу за доминирование в субрегионе **Северной Африки и Сахеля**. Он тесными узлами связан в первую очередь с Европейским союзом, своим ближайшим северным соседом. И речь идет не только о географической близости, хотя в районе Гибралтарского пролива расстояние между Европой и Африкой не превышает 14 км. Указанный субрегион и ЕС имеют длительную историю развития отношений, их стратегические интересы при всем несовпадении настолько переплетаются, что перспективы развития как того, так и другого зависят от характера их взаимодействия. Последний же далеко не однозначен, ибо субрегион служит для Европы источником не только необходимых ей видов стратегического топлива и сырья, в том числе газа, нефти, фосфатов, марганца, урана и редкоземельных металлов, но и неразрешимых проблем.

Речь главным образом идет о потоках беженцев и нелегальных мигрантов, о контрабанде оружия и наркотиков, о террористической угрозе. Действительно, после проведения операций по запуску “арабской весны”, особенно после падения режима Муаммара Каддафи, широкомасштабные акции террористических организаций на африканской земле стали значительно опаснее. По подсчетам Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН, в настоящее время общее число боевиков, принадлежащих к различного вида террористическим структурам, на континенте может составлять до 70 тыс. При этом на подконтрольных террористам территориях проживает около 1 млн человек. Самые большие пространства оккупированы террористами в Нигерии и части Камеруна, а также в Южном Судане. Непосредственную угрозу для западных стратегических интересов представляют террористические группировки в Северо-Западной Африке (прежде всего — Мали, Алжир, Марокко), Ливии, на Синай-

ском полуострове (Египет), на Африканском Роге и — скорее в силу масштабов вызова, чем опасности для поставок стратегических ресурсов или коммуникаций — в Нигерии [6].

Целый комплекс острых проблем для европейцев в рассматриваемом субрегионе связан с Ливией. Ее рукотворный распад небывало усилил прежние гипотетические угрозы и породил целый ряд реальных сегодняшних вызовов. В первую очередь это — проблемы неконтролируемой миграции, проникновения и трафика вооружений и наркотиков, контролируемого организованной преступностью, и живучести очагов террористической активности, на данном этапе по большей мере внутренней, но регулярно наносящей беспokoящие удары и на европейском направлении. Кроме того, не следует забывать и об одном из наиболее негативных экономических последствий ливийского кризиса — уничтожении государственной монополии на продажу нефти. Много лет успешно функционирующая национальная нефтяная компания (*NOC*) распалась на две части — “восточную” и “западную”, что открыло широкое поле деятельности для дельцов черного рынка. “Западная нефтяная компания” установила тесные отношения со швейцарским дилером *Glencore* и отгружает ему нефть в больших объемах по сниженным ценам. Еще хуже обстоят дела в восточной части страны, где основной нефтяной терминал “Марс эль-Харига” контролируется боевиками И. аль-Джадрана. Здесь идет прямая контрабанда нефти, которой пользуются французская *Total*, испанская *Repsol*, итальянская *Saras*, китайская *Sinopec*. Некоторые из этих компаний пытаются обеспечить свои интересы, в том числе и вооруженным путем. Иорданский король Абдалла II в январе 2016 г. рассказал о пребывании на территории Ливии английского спецназа *SAS*. Одновременно в арабской прессе появились сообщения о том, что правительству в Тобруке при штурме Бенгази помогли части французского спецназа. В отсутствие механизмов власти, при непрекращающейся вражде командиров и иностранном вмешательстве “национальное единство” Ливии останется бумажной фикцией, а иностранные компании будут продолжать разграбление страны.

Борьба за африканские, в том числе нефтегазовые, ресурсы — одна из важнейших, но не единственная экономическая причина активизации европейцев в зоне Северной Африки и Сахеля. Страны субрегиона — важный рынок для продукции и технологий европейских государств, вступающих на африканском поле в конкурентную борьбу с другими игроками, в первую очередь с США, Китаем и Россией.

В настоящее время главным содержанием проводимой в этом субрегионе Африки политики ЕС

остается стремление если не расширить, то хотя бы сохранить свои позиции. Ведущим торговым партнером стран Северной Африки продолжает оставаться Франция. Товарооборот последней со странами Магриба превысил в 2017 г. 30 млрд долл. На втором месте — Италия с показателем в 23 млрд долл., на третьем — Германия (15.6 млрд) [7].

Испытывая острую экономическую конкуренцию со стороны “новых” игроков, европейцы не стесняются использовать “военные аргументы”. Европейским военным форпостом на этом направлении остается Франция. Именно она была фактическим инициатором военной агрессии в Ливии. Ныне уровень вовлеченности Парижа в субрегиональные дела несколько снизился. Но его усилия в африканских странах по-прежнему нацелены на создание условий, позволяющих оказывать воздействие на формирование их внешнеполитического курса, а также обеспечивающих доступ европейских (в первую очередь французских) компаний к разработкам месторождений дефицитного сырья, особенно нефтегазового, и продвижение на африканские рынки продукции европейского ВПК [8].

Французское военное присутствие на континенте сохраняет сильные черты преемственности со времен колониального господства Парижа в Западной и Экваториальной Африке. В настоящее время влияние бывшей метрополии базируется на трех опорах:

- подготовке кадров национальных элит;
- непосредственном военном присутствии французских сил на военных базах в Африке и воинских контингентах, пребывающих в африканских странах с различными мандатами;
- аэромобильных интервенционистских силах Франции, перебрасываемых на африканскую землю для урегулирования конфликтов с завидной регулярностью при так называемых чрезвычайных обстоятельствах.

Так, в 2013 г. Франция осуществила непосредственное военное вмешательство в Мали (операция “Сервал”), а также провела операцию “Бархан” на территории Сахеля, где после распада Ливии активизировалась деятельность террористических группировок. Активно функционирует французская военная база в Сенегале. Военные из Чада и других франкофонных африканских стран проходят обучение как во Франции, так и на месте у французских инструкторов [9, p. 5].

Крупнейшим конкурентом Франции на территории Африки в военной сфере остаются США. Обладая мощными финансовыми возможностями, они тем не менее не участвуют непосредственно в военных операциях, а предпочитают поставлять оружие и готовить военный персонал, выделяя на

это миллиарды долларов. С 2009 г. американцы подготовили более 250 тыс. африканских солдат и офицеров для операций по поддержанию мира и контингента сил постоянной готовности Африканского союза, затратив на это 892 млн долл. [10, р. 1].

Размещение военных баз – также важный инструмент американской политики в Африке.

В последние годы Россия также наращивает экономическое и военное присутствие в Северной Африке и, отчасти, в странах Сахеля. Так, торговый оборот России с государствами субрегиона в 2016 г. превысил 10 млрд долл., при этом более 80% его составляли несырьевые товары [11]. РФ активно развивает и военное сотрудничество со странами субрегиона – на ее долю приходится более 43% вооружений, закупаемых ими за рубежом [12, с. 16]. Наиболее тесные связи у нашей страны с Египтом. Строительство российской госкорпорацией “Росатом” с участием крупнейших египетских фирм первой в стране и в Северной Африке атомной электростанции мощностью 4800 МВт в небольшом городе эд-Дабаа в 3.5 км от побережья Средиземного моря на трассе Александрия–Мерса-Матрух можно назвать крупнейшим российским проектом на Африканском континенте после распада Советского Союза.

ОЧАГ НАРАСТАЮЩЕГО СОПЕРНИЧЕСТВА

Субрегион Красноморья, по прогнозу, в 2020–2030 гг. будет переживать экономический бум и, как следствие, рост геостратегической значимости, простирающийся из его активной интеграции в глобальные инфраструктурно-транспортные и информационно-коммуникационные цепочки. В немалой степени это связано с усилением к нему внимания в рамках проекта “Нового шелкового пути” и мегапроекта “Китайская мечта”. Это уже сегодня ставит на повестку дня вопрос о гарантиях безопасности в этом субрегионе, где высок потенциал межгосударственных конфронтаций и угрозы терроризма. Уже сейчас в субрегионе идет ускоренное создание военных баз внешних для Африки центров силы, что свидетельствует о его стратегической долгосрочной значимости для ведущих мировых полюсов. В выигрыше оказалось и небольшое бедное африканское государство Джибути, расположенное в стратегически важном месте – у южного входа в Красное море “напротив” Йемена. Оно дало согласие на размещение на своей территории военных баз (помимо бывшей метрополии – Франции) США, Китая, Японии, Италии, Германии, Саудовской Аравии, ОАЭ и Турции, за что не только получает ежегодную плату, но и возможность зарабатывать на их обеспечении и предоставлении местных рабочих рук.

В Джибути находится крупнейшая американская постоянная военная база в Африке *Camp Lemonnier*, где служат более 4000 человек. США вносят за пользование базой ежегодную арендную плату в 63 млн долл. Французский и японский объекты находятся вблизи международного аэропорта *Djibouti-Ambouli* [13].

В конце февраля 2016 г. министерство обороны Китая подтвердило, что начались строительные работы в Джибути, где он возводит свою первую африканскую военную базу. Китайские военные эксперты утверждают, что хотя на базе и будут дислоцироваться солдаты, она все же будет отличаться от соседей – военных баз Франции и США. В первую очередь китайская база будет служить точкой обслуживания судов Китая в субрегионе, а также позволит следить за судоходством через Суэцкий канал. База обойдется Китаю почти в 600 млн долл. Когда будет закончено строительство базы – пока неизвестно. По некоторым данным, помимо Джибути Китай планирует построить базы в Танзании, Кении, Намибии, Нигерии, Анголе и Мозамбике. Китайцы считают, что, принимая во внимание угрозы, исходящие от непредсказуемой политики США и их сателлитов, базы в Африке могут стать для Китая непосредственно необходимы при эвакуации тысяч соотечественников из горячих точек (как это уже было в 2011 г. в Ливии).

ЗОНА ОТЛОЖЕННОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

Повышение геостратегической значимости **Южного конуса Африки** прогнозируется на более отдаленную перспективу – примерно 15–20-летней дальности. Зависеть оно будет от интенсивности введения в коммерческий оборот недавно открытых огромных, но труднодобываемых углеводородных ресурсов в Мозамбикском проливе и стратегического сырья (главным образом руд с содержанием редких и редкоземельных металлов в зоне Медного пояса и южном Зимбабве) и от интенсивности включения Китаем этих богатств в обеспечение своего стратегического потенциала.

В начале 10-х годов была открыта новая крупная нефтегазоносная провинция мирового масштаба, включающая четыре бассейна, расположенных на шельфе Восточной Африки и в прилегающей акватории Мирового океана. По данным Американской геологической службы, а также других специалистов и агентств, суммарный нефтегазовый потенциал Мозамбикского, Танзанийского, Сейшельского бассейнов и суббассейна Морондава (о. Мадагаскар) оценивается в 4–5 млрд т жидких углеводородов и в 12–13 трлн куб. м газа. Это позволяет рассматривать восточноафриканский

шельф как перспективное место для формирования нового крупного центра добычи топлива на Африканском континенте, что определяет высокую ресурсно-экономическую значимость и инвестиционную привлекательность шельфа для всех крупных игроков мировой экономики. Выявленные месторождения могут рассматриваться в качестве ресурсного обеспечения инвестиционных проектов строительства заводов по производству сжиженного газа, экспорт которого будет ориентирован как на африканских потребителей (в первую очередь на ЮАР), так и на экспорт, в основном в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. При этом планируемые затраты на производство сжиженного природного газа в Восточной Африке сравнительно невелики (150 млн долл. на 1 млн т в год) [14], что повышает конкурентоспособность восточноафриканского газа по сравнению с катарским, российским и австралийским. Появление нового центра газодобычи, его выгодное географическое положение с точки зрения экспорта как в Западное, так и в Восточное полушарие, близость к растущим новым экономическим гигантам — Индии и Китаю, может перекроить традиционную карту нефтегазовых поставок и привлечет к этому субрегиону внимание всех без исключения игроков. В этих условиях России очень важно уже сегодня проводить активную политику в Восточной Африке, чтобы обеспечить свои геэкономические и геополитические интересы.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ “СВЕРХДЕРЖАВЫ”

В страновом плане можно выделить три потенциально значимых региональных центра силы в Африке южнее Сахары и один в Северной Африке. Каждый из них на среднесрочном (7–12 лет) или долгосрочном (15–20 лет) горизонте прогнозирования сможет претендовать и на значимую роль, выходящую за рамки Африканского континента. В Субсахарской Африке речь идет о ЮАР, Нигерии и Эфиопии. В Северной Африке — это Египет. Главные факторы, говорящие в пользу этих стран, — быстрорастущее население (191 млн человек в Нигерии, 105 млн в Эфиопии, почти 100 млн в Египте и 55 млн в ЮАР) [15], мощная по региональным масштабам (Нигерия, Египет, ЮАР) или динамичная (Эфиопия) экономика, значительные по меркам континента вооруженные силы, неоспоримые достижения и амбиции в борьбе за роль “африканского лидера” и/или “локомотива развития” региона (африканский аналог роли Германии в ЕС, интеграционная модель которого принята Африканским союзом за образец).

Египет сегодня, несмотря на обилие существующих проблем, — бесспорный лидер в Северной Африке, претендующий также на роль основного по-

средника во взаимоотношениях между Африкой, Азией и Европой. По размерам ВВП по обменному курсу (235 млрд долл.) страна в 2017 г. заняла третье место в Африке после Нигерии и ЮАР, а по ППС (1129 млрд долл.) [2, 3] — вышла на первую позицию на континенте. У Египта чрезвычайно выгодное геостратегическое положение. Именно через эту страну проходят важнейшие мировые товарные потоки между Африкой, Азией и Европой, именно ей отводится важнейшая роль в китайских планах пояса “Шелковый путь”. При этом АРЕ обладает относительно развитой промышленностью, включая такие отрасли, как черная и цветная металлургия, электроэнергетика, химическая индустрия, машиностроение, фармацевтическое производство и т.д. Египет располагает сравнительно надежными источниками поступления иностранной валюты. Это — доходы от экспорта нефти и газа, от эксплуатации Суэцкого канала, от туризма и от денежных переводов из-за рубежа. В стране развита система качественного высшего образования. В одном только Большом Каире насчитывается более 20 государственных и частных университетов, включая признанные не только в Африке, но и за рубежом — Аль-Азхар и Каирский университет. В 2016 г. Египет занял первое место среди всех стран Африки по привлечению прямых иностранных инвестиций (10.1 млрд долл.). (Для сравнения: второе место занимает Марокко, которое получило вдвое меньше — 4.9 млрд [16].)

Страна обладает мощной армией. По данным, опубликованным Лондонским институтом стратегических исследований, вооруженные силы Египта насчитывают 448 тыс. человек. По своей численности, оснащенности и наличию боевого опыта они представляют собой одну из наиболее сильных армий в Африке и на Ближнем Востоке [17]. Египет играет весомую роль в африканской и ближневосточной политике, выступает посредником по урегулированию многих споров и конфликтов. В последние 2–3 года удалось снизить накал социальной напряженности и даже несколько сократить безработицу среди молодежи, которая сократилась с 30% в 2011 г. до 25% в 2016 г. [18] Несмотря на то что у Египта в последние годы появилось немало успешных конкурентов в борьбе за влияние в арабском мире, страна без сомнения останется в числе лидеров в Африканском регионе. При этом у нее сохраняются неплохие шансы на восстановление утраченных политических позиций в арабском мире, а к середине нынешнего столетия она по целому ряду параметров вполне сможет претендовать и на роль игрока мирового уровня.

ЮАР длительное время оставалась самой развитой страной на континенте. Сегодня это хотя и не самая крупная по объему ВВП экономика Африки (349 млрд долл. по обменному курсу —

2-е место в Африке после Нигерии, 697 млрд долл. по ППС – третье место в Африке после Египта и Нигерии) [2; 3], но самая многоотраслевая, а по ряду показателей и самая передовая экономика региона, опережающая по своему потенциалу не менее четверти стран ЕС. Влияние ЮАР значительно усиливается ее членством в БРИКС. Страна претендует на роль своеобразных ворот БРИКС в страны Африки южнее Сахары [19]. Китай уже сегодня отводит ЮАР именно эту роль в своих планах усиления экономической экспансии на Африканский континент. В ЮАР самая развитая система образования и здравоохранения в Африке, включая дистанционные формы. Первое место страна занимает и по уровню развития современных технологий. В 2016 г. приток иностранных инвестиций в ЮАР составил 2.8 млрд долл. – 6-е место на континенте [16]. Вооруженные силы ЮАР оснащены современной техникой, но не имеют практического опыта широкомасштабных военных действий. На действительной службе в национальных силах обороны находится около 55 тыс. человек, число резервистов составляет 60 тыс. [20] Страна активно участвует в урегулировании региональных конфликтов и поставляет контингенты для миротворческих сил в различных горячих точках Африканского континента. В первое десятилетие нынешнего века лидерство ЮАР в Африке южнее Сахары было неоспоримым, но сегодня эту страну раздирают многочисленные социальные и экономические противоречия, и ее роль будущего лидера Африки во многом будет определяться возможностью их урегулирования.

Нигерия превратилась в крупнейшую экономику Африки южнее Сахары по размерам ВВП, как по обменному курсу (в 2017 г. 621 млрд долл.), так и по ППС (1119 млрд долл.) [2; 3], обогнав традиционного конкурента – ЮАР и заняв в мировом рейтинге стран по размерам ВВП 21-е и 22-е место соответственно. Население страны, по прогнозу умеренного роста, к 2050 г. увеличится до 260–270 млн человек [21]. Страна будет находиться в десятке самых населенных государств мира. Ожидается, что благодаря реальным успехам на пути повышения качества человеческого капитала Нигерия в наибольшей степени сумеет к этому времени выиграть от так называемого демографического дивиденда – преобладания в структуре населения страны трудоспособной молодежи, предъявляющей повышенный спрос на современные товары и услуги. Сохраняющаяся высокая зависимость экономики страны от экспорта нефти и газа делает ее развитие весьма неустойчивым. Так, падение цен на нефть в конце 2016 г. привело к сокращению объема ВВП Нигерии на 1.5%, что отрицательно сказалось на темпах прироста всей африканской экономики, которые не превысили в 2016 г. 2.2% [22].

Помимо высокой зависимости от экспорта углеводородов, к основным препятствиям в развитии страны можно отнести и нехватку энергетических мощностей. К тому же высокое давление на федеральное правительство оказывают местные политики и различные племена. Имеющиеся разногласия между различными этносами, религиозными и территориальными группами представляют реальную угрозу для стабильности существующей политико-экономической системы. В Нигерии действует террористическая группировка “Боко Харам”, дестабилизируя политическую и экономическую обстановку; отмечаются высокий уровень коррупции и низкое качество работы управленческого аппарата. Но, несмотря на все эти отрицательные явления, Нигерия как ключевая страна Африки привлекает внимание и “старых”, и “новых” крупных экономических игроков и инвесторов.

К тому же Нигерия – реальная военная сила, доминирующая в миротворческих операциях в Западной Африке и активно сотрудничающая с США, Великобританией и другими странами ЕС в создании своих вооруженных сил и подготовке спецслужб. По официальным данным, на действительной службе в армии страны в 2017 г. состояло 168 тыс. человек, число резервистов достигало 32 тыс. Вооруженные силы Нигерии имеют обширный опыт военных действий, особенно в борьбе с партизанскими и нерегулярными формированиями противника, в первую очередь с террористическими группировками “Боко Харам” и сепаратистами.

Эфиопия входит в число наиболее быстрорастущих экономик мира, хотя и остается пока в числе беднейших стран планеты. В 2016 г. темпы прироста ее экономики равнялись 8.1%. Несмотря на недавнюю засуху, по оценкам МВФ, средний темп увеличения ВВП составит 7–8% с 2017 по 2020 г. [22]. Эфиопия стремится к достижению к 2025 г. статуса страны со средними доходами благодаря устойчивому экономическому росту. В 2016 г. приток иностранных инвестиций достиг 2.7 млрд долл., вложенных большей частью в текстильную и химическую промышленность. Государство активно участвует в экономическом развитии страны, при этом рост Эфиопии в значительной мере обусловлен развитием государственной инфраструктуры через вхождение в ее экономику компаний из ведущих мировых центров силы, в равной степени США и Китая. Страна планирует к 2025 г. превратиться в африканский центр легкой промышленности, и для этого у нее есть все необходимое – и сырье, и дешевые рабочие руки. В 2016 г. в Эфиопии открылся индустриальный парк “Хавасса”, включающий 36 производственных объектов, оснащенных самым современным оборудо-

ванием. На базе предприятий парка планируется создать 60 тыс. рабочих мест. В парке уже работают 15 промышленных компаний из Эфиопии, Китая, Индонезии и США, а планируемый экспорт продукции его предприятий может превысить 1 млрд долл. Уже строятся или будут построены в ближайшие 10 лет еще 9 подобных парков [16].

Численность вооруженных сил страны (последние официальные данные на 2015 г.) – 182 500 человек; а годных к военной службе – 25 млн. Ежегодно призывного возраста достигают около 2 млн человек [23]. К середине века население Эфиопии превысит 160 млн человек по минимальному сценарию и 180 млн – по сценарию умеренного роста, что выведет страну (хотя и лишенную собственных портов) на позиции ключевого лидера, как минимум в южной части бассейна Красного моря со всеми вытекающими последствиями для ее соседей и внешних игроков.

АФРИКАНСКИЙ ПОЛЮС

Несмотря на неоспоримый рост политического веса и влияния четырех выше названных стран на международной арене и стремление каждой из них утвердиться в качестве общепризнанного индивидуального лидера, выступающего от лица всей Африки, африканский полюс полицентричного мира *вряд ли будет формироваться вокруг одного государства*. Все названные кандидаты на лидерство сильно уязвимы для дестабилизации извне. Египет так или иначе вовлечен в ближневосточный конфликт, на Синае все еще активно действуют террористы, а социальная обстановка в стране далека от реальной стабилизации. Три страны Субсахарской Африки полиэтничны, а население двух из них (Нигерии и Эфиопии) состоит примерно поровну из христиан и мусульман (при некоторой доле жителей, исповедующих традиционные африканские культуры). Межконфессиональные отношения в этих странах весьма напряженные, активность сохраня-

ют экстремистские религиозные и сепаратистские группировки. Взорвать хрупкий мир в них и тем самым воспрепятствовать их возвышению как самостоятельных центров силы или локального полюса относительно несложно.

Более вероятен сценарий вызревания **общеафриканского полюса как центра силы глобальной значимости**. Не следует недооценивать реалистичность и последствия такого развития событий. Сегодня, когда Африка уже не является антагонистом либерально-рыночных подходов к экономическому развитию и не рассматривается геостратегическими противниками “старых” игроков в качестве одного из “отрядов прогрессивных сил в борьбе с империализмом Запада”, последний в целом одобрительно смотрит на возможность консолидации африканского экономического и идейно-политического пространства. Более того, если верить многочисленным политическим декларациям, решениям саммитов и т.п., такая консолидированная общность африканского сегмента многополярного мира будет в большей степени тяготеть к идейным ориентирам и экономическим стимулам Запада. Это, несомненно, усилит его позиции в соревновании с конкурентами.

В этом плане настоятельно необходимо радикальное усиление внимания РФ к африканскому направлению, включая политическую, экономическую и культурную (особенно сфера образования и подготовки кадров) составляющие. Нужно глубже осознать стратегическую значимость субрегионов Африки и соответствующим образом увеличить в них экономическую и политическую роль, а где надо и физическое присутствие России как влиятельного глобального центра силы.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект 16-07-00010 «Африканский вектор» фундаментальной трансформации экономической структуры РФ в новых геополитических условиях».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Fituni L., Abramova I. Patterns of Formation and Transition of Models of Global Economic Development. *African Studies in Russia: Works of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences*. Moscow, Institute for African Studies RAS, 2014. 188 p.
2. *Рейтинг стран по ВВП*. [Ranking of Countries by GDP (In Russ.)] Available at: <http://investorschool.ru/rejting-stran-po-vvp-2017> (accessed 09.07.2018).
3. *World Bank Data*. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD> (accessed 09.07.2018).
4. *BRICs and Beyond*. Available at: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/BRICs-and-Beyond.html> (accessed 09.07.2018).
5. *The World in 2050. The Long View: How Will the Global Economic Order Change by 2050?* Available at: <https://www.pwc.com/gx/en/issues/economy/the-world-in-2050.html> (accessed 09.07.2018).
6. Фитуни Л.Л. *Военно-стратегическое значение Африки в постмонополярном мире*. [Fituni L. *Военно-стратегическое значение Африки в постмонополярном мире*] Available at: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2017/0227/210520646/detail.shtml> (accessed 01.08.2018).
7. *International Trade Center. Trade Map*. Available at: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed 01.08.2018).

8. *Роль Франции в разрешении вооруженных конфликтов в Африке*. [The Role of France in the Resolution of Armed Conflicts in Africa (In Russ.)] Available at: <http://www.modernarmy.ru/article/425/rol-francii-v-afrike> (accessed 01.07.2018).
9. Burges S. Military Intervention in Africa. French and US Approaches Compared. *ASPJ Africa and Francophonie*, 2018, vol. 9, no. 2, pp. 5-25.
10. *FACT SHEET: U.S. Support for Peacekeeping in Africa*. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/08/06/fact-sheet-us-support-peacekeeping-africa> (accessed 16.08.2018).
11. *Страны и регионы мира*. [Countries and Regions of the World (In Russ.)] Available at: https://www.exportcenter.ru/international_markets/world_map/ (accessed 01.08.2018).
12. Корендясов Е.Н. Военно-техническое сотрудничество России с Африкой. *Азия и Африка сегодня*, 2015, № 9, сс. 9-18 [Korendyasov E. N. Voennno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossii s Afrikoi [Military and Technical Cooperation Russia with Africa]. *Aziya i Afrika segodnya*, 2015, no. 9, pp. 9-18.]
13. Костелянец С.В. Терроризм в Северо-Восточной и Восточной Африке. *Ученые записки Института Африки РАН*, 2017, № 2, сс. 118-125. [Kostelyanets S.V. Terrorizm v Severo-vostochnoi i Vostochnoi Afrike [Terrorism in North-Eastern and Eastern Africa]. *Journal of the Institute for African Studies-Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, 2017, no. 2, pp. 118-125.]
14. Силантьев Ю.Б., Ковалева Е.Д., Пензин А.А. *Восточноафриканский шельф. Оценка ресурсно-добычного потенциала газа и геолого-политической значимости*. [Silant'ev Yu.B., Kovaleva E.D., Penzin A.A. *Vostochnoafrikanskii shel'f. Otsenka resursno-dobychnogo potentsiala gaza i geologo-politicheskoi znachimosti*] Available at: <http://vesti-gas.ru/sites/default/files/attachments/vgn-3-31-2017-187-194.pdf> (accessed 31.07.2018).
15. *The World Factbook*. Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2119rank.html> (accessed 31.07.2018).
16. *African Economic Outlook 2017*. Available at: https://read.oecd-ilibrary.org/development/african-economic-outlook-2017_aeo-2017-en#page49 (accessed 01.08.2018).
17. *Вооруженные силы Арабской Республики Египет*. [Armed Forces of the Arab Republic of Egypt (In Russ.)] Available at: <http://military-informant.com/force/egypt-sp-541610746.html> (accessed 01.08.2018).
18. *Decent Work in Egypt. 2017 Results*. Available at: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---africa/---ro-addis_ababa/--sro-cairo/documents/publication/wcms_618591.pdf (accessed 01.08.2018).
19. Abramova I., Fituni L. Russia, BRICS and the Global Supply Chain of Resources for Development. *Laying the BRICS of a New Global Order: From Yekaterinburg 2009 to eThekweni 2013*. Pretoria, Africa Institute of South Africa, 2014, pp. 136-153.
20. *Вооруженные силы ЮАР*. [Armed Forces of South Africa (In Russ.)] Available at: http://www.200stran.ru/war_country254.html (accessed 01.08.2018).
21. *World Population Prospects: The 2017 Revision*. Available at: <https://www.un.org/development/desa/publications/world-population-prospects-the-2017-revision.html> (accessed 10.07.2018).
22. *African Economic Outlook 2017*. Available at: https://read.oecd-ilibrary.org/development/african-economic-outlook-2017_aeo-2017-en#page24 (accessed 20.07.2018).
23. *Вооруженные силы Эфиопии*. [Armed Forces of Ethiopia (In Russ.)] Available at: https://pochta-polevaya.ru/militaryanalytics/database_bc/a59769.html (accessed 01.08.2018).

**THE AFRICAN SEGMENT OF MULTIPOLAR WORLD:
DYNAMICS OF GEOSTRATEGIC SIGNIFICANCY**

(World Economy and International Relations, 2018, vol. 62, no. 12, pp. 5-14)

Received 03.08.2018.

Irina O. ABRAMOVA (irina.abramova@inafr.ru),

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, 30/1, Spiridonovka Str., Moscow 123001, Russian Federation;

Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), 6, Miklukho-Maklaya Str., 117198 Moscow, Russian Federation.

Leonid L. FITUNI (africa.institute@yandex.ru),

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, 30/1, Spiridonovka Str., Moscow 123001, Russian Federation;

Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), 6, Miklukho-Maklaya Str., 117198 Moscow, Russian Federation.

Acknowledgments. The article has been supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Researches. Project no. 16-07-00010 «“African Vector” of the Fundamental Transformation of Russia’s Economic Structure in the New Geopolitical Environment».

The article examines Africa’s role in formation of a polycentric world order. The extreme danger and obvious undesirability of direct confrontation between “old” and “new” players have augmented geostrategic and military-political significance of the “peripheral” zones of rivalry, including that of Africa. Here, nationalism, separatism and

religious extremism act as both catalysts of conflicts and convenient tools for external intervention. In order to preserve the old configuration of the world order and the paradigms of global governance, some “old players” are ready to use such means as bribing corrupt elites, manipulating ethno-confessional contradictions, instigating the forces of international terrorism. At the heart of the contemporary expansion into Africa, there is not only the players’ desire to strengthen their positions with regards to supplies and consumption of strategically important resources, but also vying to secure lasting positions and zones of influence as part of the competitive struggle in the world economy by the 2020–2050s. By that time, according to forecasts of the leading “think tanks”, the African continent will have turned into the main source of global work power, consumer demand and nature-dependent prerequisites for the development of world economy. The econometric forecast analysis carried out at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences has shown that in 2020–2025, the curve of the indicator “external players’ strategic solicitude/involvement in the region” rapidly changes the angle and fluency of the rise from “smooth and gentle” to “sharp and steep”. At the same time, the importance of subregions on the African continent will increase asynchronously. Today, the focus of old and new players’ strategic interests tends towards and beyond the zone of the Southern Mediterranean, i.e. includes not only North Africa, but also the Sahel. In the 2020s, strategic attention will sharply intensify vis-à-vis the “Great Red Sea” zone, partially overlapping with the southern Mediterranean zone. Beginning from the late 2020s, there will be a rapid growth in the importance of the southeastern and southern subregions (Tanzania, Mozambique, Zimbabwe, South Africa and associated territories), known in Western strategic literature as the Southern Cone of Africa. Countrywise, there are three potentially significant regional centers of power in sub-Saharan Africa (Nigeria, South Africa, Ethiopia) and one in North Africa (Egypt). However, notwithstanding the undeniable growth of political weight and influence in the international arena of the four countries mentioned, and despite their severe desire to emerge as a universally recognized sole “leader of Africa”, the African pole of the polycentric world is unlikely to be formed around one state. All named candidates for leadership are highly vulnerable to destabilization from within and from outside. A scenario of maturation of a single Pan-African pole as a center of global significance is more likely. In this regard, it is imperative to radically increase the attention of the Russian Federation to the African direction, including political, economic and cultural (especially educational and training) components.

Keywords: Africa, geostrategic rivalry, African pole of world growth, North Africa, Sahel, the Great Red Sea zone, Southern Cone of Africa.

About authors:

Irina O. ABRAMOVA, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of Institute.

Leonid L. FITUNI, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Deputy Director of Institute.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-5-14